

Алексей ГОЛИЦЫН

«МЫ НЕ ВИДЕЛИ ПРОСВЕТА В НАШЕЙ ЖИЗНИ...»

Арест саратовского художника Александра Скворцова как метод борьбы с голодом в Поволжье

В 1932-1933 годах в Поволжье разразился голод, главное отличие которого от предыдущей трагедии 1921-1922 годов заключалось в том, что причина его была чисто политическая. Принудительные хлебозаготовки, сплошная коллективизация и курс на ускоренную индустриализацию всей страны создали дефицит продовольствия и в относительно благополучном Поволжье. Решения советского правительства предсказуемо привели к массовой гибели людей, особенно в сельской местности, но помогли повсеместно установить колхозный строй. В условиях голода особая роль отводилась репрессивному аппарату, перед которым была поставлена задача полностью зачистить информационное поле, исключив упоминания о голоде даже в бытовых разговорах.

В частности, в Саратове чекисты ликвидировали «контрреволюционную организацию транспортников, ставившую себе целью свержение советской власти, члены которой производили вербовку, собирали с целью шпионажа сведения, осуществляли нелегальную связь с границей и подготавливали террористический акт против тов. Сталина». Однако в реальности, как следует из материалов уголовного дела, немолодые «террористы» были виноваты лишь в том, что, встречаясь за чашкой «эльтонского чая», обсуждали между собой причины гуманитарной катастрофы. Это была их специфическая шутка: озеро Эльтон, как известно, в те годы было главным источником соли.

Итак, в феврале 1933 года сотрудниками дорожно-транспортного отдела ОГПУ Рязано-Уральской железной дороги¹ по подозрению в антисоветской агитации и пропаганде были арестованы семь участников «организации». В квартирных «сборищах» участвовали: технические работники РУЖД Александр Львов и Андрей Попов, врач Константин Гаврилов, художники Виталий Гофман², Иван Щеглов³, Александр Скворцов и жена Скворцова Нина Степанова. По мнению чекистов, «группировка состояла исключительно из бывших людей: дворянства, купечества, царских прислужников, крупных домовладельцев и владельцев дачных участков». «Бывшие» ставили себе основную цель – «объединение всех враждебных сил и, в первую очередь, недовольных Соввластью для активной борьбы за свержение Соввласти через вооруженное восстание внутри страны и интервенцию извне».

Александр Скворцов был назначен следователями «вдохновителем и руководителем группировки, вербуя и объединяя в таковую идейно-родственные кадры». Всего в уголовном деле подшито 22 протокола допросов Скворцова, происходивших с 15 февраля по 1 мая 1933 г. Большинство из них написано рукой подследственного, работники ГПУ лишь визировали их подписями. Вероятно, это были не допросы традиционной формы, содержащие вопросы и ответы, а некая «исповедь», которую художник сочинял самостоятельно, надеясь на смягчение приговора.

Фрагменты протоколов приводятся в хронологическом порядке, сокращения и исправления специально не оговариваются.

---

¹ В 1953 г. переименована в Приволжскую железную дорогу.

² О нем см.: Алексей Голицын. История репрессий: «Ложная честь» художника Скворцова. <https://fn-volga.ru/article/view/id/522>

³ О нем см.: Вячеслав Лопатин. Цвет – звук; свет, тьма // Волга. 2008. № 1; Алексей Голицын. История ареста художника Ивана Щеглова // Волга. 2018. № 7-8.

***

Мой отец Василий Иванович Скворцов происходит из крестьян села Капустина Яра, Астраханской губернии. Я остался после смерти отца одного года 4 месяцев. Будучи на службе судебным приставом при Съезде мировых судей в г. Астрахани, <отец> был арестован как политический, сидел в тюрьме. По освобождении его из тюрьмы он работал в последнее время перед моим рождением в селе Никольском. После смерти отца мы с матерью остались без всяких средств к жизни. Мать первое время жила на то, что распродала оставшееся имущество, и на остатки его мы переехали в Астрахань, где она стала зарабатывать деньги тем, что ходила по домам в качестве домашней портнихи, что продолжалось до того момента, как я сам стал зарабатывать деньги, т.е. до 10 июля 1910 г. В 1905 г. я поступил в 4^х классное городское училище, которое окончил в июне 1910 г. В 1912 г. я держал экстерном за гимназию, но провалился и получил справку только за 7 классов. В 1918 г. в декабре м-це я поступил в студию Губпросвета⁴ как ученик изящных искусств. Студия в 1919 г. была переименована в Астраханские высшие государственные художественные мастерские, но в 1922 г. была согласно распоряжения центра закрыта. В сентябре 1915 г. я был мобилизован в Цареве, оттуда был направлен в Царицын, в 141 запасной батальон, и служил как рядовой. В момент поступления на военную службу я имел образование за 7 классов гимназии, но документ об этом образовании я не представлял. В школу прапорщиков я не был послан, потому что был, как бухгалтер казначейства, освобожден от военной службы и направлен обратно в Царевское казначейство.

Женился я в 1926 г. Моя жена Нина Степановна Скворцова, урожденная Степанова, с которой я познакомился, служа в Обплане⁵, родилась в г. Саратове, происходит из крестьян села Пески недалеко от Балашова. Училась здесь в гимназии, затем в Киеве в коммерческом институте, но его она не окончила. Во время германской войны она была на фронте, но в качестве кого, не знаю.

Служа в Астраханской Казенной палате, я одновременно в 1918 г. приступил в декабре месяце к занятиям в художественной студии Губпрофсовета в г. Астрахань. Учился я в течение 3^х приблизительно лет у преподавателя Котова Петра Ивановича⁶. В течение двух лет не учился, затем закончил свое художественное образование в 1924 г. в г. Саратове у преподавателя Уткина Петра Саввича⁷. Учась в Саратове, я жил на средства случайного заработка, который представлял техникум или сам находил. Окончил техникум в 1924 г. и поступил на работу в Обплан. <...>

Привожу доподлинную беседу, происходившую в квартире Гофмана между мной, Скворцовым, Гофманом и Щегловым. Поводом к этому разговору послужил рассказ Гофмана о его бедственном положении в настоящий момент. Полное отсутствие денег, хлеба и в довершение всего этого – больной ребенок и перелом руки у самого. Постепенно с этого разговор перешел на долго ожидаемую свободную торговлю хлебом. Я сказал, что с 15 февраля как будто будет вольная продажа хлеба, но Гофман возразил, что это он слышит уже с 1го января. В это время вошел Щеглов, поздоровался и попросил стакан чая. Выпив чай, он присоединился к нашему разговору, говоря, что, видимо, этой свободной торговли никогда не будет. Потом с свойственной ему экспансивностью он начал говорить: «Что случилось бы, если бы умер или кто-нибудь убил тов. Сталина?» Я подшутил, что убить тов. Сталина нельзя, т.к. он носит броню (хотя этого обстоятельства я не знал и сказал ради шутки), тогда Щеглов говорит: «Ну, бомбой». Я опять подшутил, говоря, что из этого ничего не выйдет, т.к. тов. Сталин ездит сразу в четырех, пяти автомобилях, окруженный

---

⁴ Губернский совет профессиональных союзов.

⁵ Плановый институт.

⁶ Петр Иванович Котов (1889, Астраханская губерния – 1953, Москва) – художник, заслуженный деятель искусств РСФСР (1946), лауреат Сталинской премии (1948).

⁷ Петр Саввич Уткин (1877, Тамбов – 1934, Ленинград) – художник.

эскортом людей на мотоциклетах (этого обстоятельства я тоже не знал, так как никогда не видел, как ездит тов. Сталин).

Тут Щеглов начал горячиться, желая что-то сказать, но я его перебил, говоря, что совсем не в этом дело. А дело в том, что же действительно могло бы случиться, если бы тов. Сталин умер, кто его мог бы заменить? Из прежних вождей советской партии: Троцкий, Бухарин – не знаю, но Троцкого я определенно боюсь с его крайне левой программой. На интервенцию надеяться, я считаю, не приходится, т.к. это было бы для нас сплошным ужасом. Разделили бы Россию оптом и в розницу на целый ряд капиталистических колоний, а тогда уж берегись. Гофман меня в этом поддержал. Щеглов, кажется, не возражал. Я снова начал и говорю: «Нет, вот если был бы тов. Ленин, то, возможно, было бы все иначе; и как бы он поступил с индустриализацией и колхозами? Тов. Ленин ведь гениальнейший человек настоящего времени». Но тут вмешался Щеглов и начал говорить о том, чем, собственно, гениален тов. Ленин. Возьмите хотя бы его одну фразу: «Каждая кухарка должна управлять государством», в чем ее логичность, ну поймите сами: «Кухарка управляет государством», фраза совершенно нелогична.

Примечание: во время этого рассказа я между прочим спросил Гофмана: «А что, можно здесь говорить?», Гофман ответил: «О, конечно». <...>

13 января 1933 г. мы собрались вечером у тов. Львова <...> и там зашел разговор о возможности второго Нэпа. Я говорил, что если бы даже он мог иметь место теперь, то он не мог бы иметь ту форму, какую он носил в 1921 и последующих годах, т.к. в то время, видимо, были колоссальные запасы всего, искусно припрятанные капиталистическими элементами. Так как после объявления Нэпа в течение самого короткого времени Москва сияла окнами магазинов, набитых всевозможными товарами и даже драгоценностями. И как пример привел случай, о котором я слышал в Москве в гостинице на Петровке, где мои компаньоны по комнате рассказывали о том, что бывшие люди, оставшиеся за бортом после революции, но не успевшие удрать за границу, вновь вылезли из своих нор и принялись, как за наиболее легкую работу, товарную спекуляцию. Теперь же второго Нэпа в той форме ожидать нельзя, так как нет тех запасов у капиталистических элементов, а все находится в руках кооперативных и торговых организаций, с одной стороны, и с другой – на это и не пойдет Советское правительство, которое стремится к социализму. <...>

Я, Скворцов, не являюсь сторонником советской власти. Я вел контрреволюционные разговоры с целью критического обсуждения некоторых политических моментов. Главным образом, об индустриализации, колхозной политике и зарплате. В порядке обсуждения мы затрагивали вопросы руководства Советской власти и партии ВКП(б). <...> мы считали темп индустриализации неприемлемым для нашей отсталой по технике страны. Мои личные взгляды по вопросу интервенции таковы: что интервьюировать вообще страну легче, когда она индустриально отстала. <...>

По колхозной политике наши контрреволюционные суждения в основном сводились к следующему: временно оставить индивидуальные хозяйства в том виде, в котором они существовали, и, выделив несколько районов или отдельных колхозов, на которых и проверить правильность колхозной политики и в положительном случае уже произвести замену единоличного хозяйства колхозным. Курс, взятый партией и Советской властью на массовую коллективизацию сельского хозяйства, нами обсуждался критически, так как крестьянство встречает колхозное движение нежелательно и в некоторой части даже бросает деревню.

По вопросу руководства я, Скворцов, выражал мнение, что могло бы случиться, если бы т. Сталин умер или его убили. Я выражал это мнение в следующем виде: что т. Сталина могли бы заменить прежние вожди партии, как Троцкий, Бухарин и др., но я лично Троцкому не доверял. Со мной был согласен и Гофман. Я также выражал следующую мысль, что если бы был жив тов. Ленин, было бы все иначе, т.к. я считаю т. Ленина одним из гениальнейших людей мира. Гофман и в этом пункте также был со мной согласен, но Щеглов выразил резко противоположное мнение и ставил вопрос так, что их нужно всех

перевешать и перестрелять. Это он говорил в отношении вождей партии, как бывших, так и настоящих. Моя жена Скворцова-Степанова говорила, что политика тов. Сталина ведет к обнищанию страны и даже частичному голоду. Все наши суждения о руководстве партии сводились к отрицательной критике, и со стороны Щеглова выражались взгляды террористического характера по отношению к Советскому правительству, но нужно указать, что эту точку зрения Щеглова остальные наши участники не разделяли. <...>

Начиная с 1918 г. в силу чисто объективных условий, создававшихся вокруг меня, я не мог искренне мыслить советски, а во мне вырабатывались взгляды совершенно противоположные тем, какие бы могли выработаться при других условиях и обстоятельствах. Несмотря на то, что мое пролетарское происхождение и могло бы дать возможность создать из себя человека, истинно преданного Советской власти. Некоторое исключение было внесено в мое отношение к Советской власти в первые годы пребывания в Астрахани, когда я в силу своих служебных условий вращался среди партийцев-коммунистов, но это было очень короткое время. Дальше, вращаясь в среде чуждых элементов, мои взгляды вновь приняли прежнее направление и не только не изменялись, а, пожалуй, углублялись в худшую сторону.

С переездом в Саратов у меня в первые годы пребывания в этом городе несколько снизилось это чуждое антисоветское направление, но не могу сказать, чтобы оно совсем исчезло.

Но после с знакомством с Гофманом и его знакомыми: Владимиром Гавриловым, Константином Гавриловым, Щегловым Иваном Никитьевичем мое отношение к Советской власти уже не изменялось к лучшему, а наоборот год от году все ухудшалось и становилось более и более резко отрицательным. <...>

Для характеристики приведу некоторые данные о товарищах, с которыми я имел общение за эти годы.

Гофман, Виталий Анатольевич – антисоветский элемент, бывший человек, для которого все, что ни проводило в жизнь Советское правительство, являлось абсурдным и ненужным. Ярко выраженное отрицательное отношение к т. Сталину, которого он иначе и не называл как «чистильщик сапог». Школьная работа, которую он вел, вызывала в нем раздражение и ненависть к коммунистам, возглавляющим школьное начальство. Часто в разговоре, раздражаясь и стуча по столу кулаком, говорил: «Я эту сволочь видеть не могу» и «Как мне все надоело».

Владимир Гаврилов – бывший офицер, видимо, особенно ценивший свое звание. Он не может простить Сов. власти то, что она отняла у него погоны и шпагу. Он с каким-то смаком вспоминает свою прежнюю службу и искренне ненавидит все советское. При разговоре он иначе не называет коммунистов как «эта сволочь». Он искренне мечтает о войне, а вместе с ней и об интервенции, или с помощью войны о новой революции, которая помогла бы возратить ему его прежнее положение, как материальное, так и общественное.

Щеглов Иван Никитьевич. Каково его происхождение, я не знаю. Но могу сказать, что благодаря долгому знакомству и с Гофманом, у которого он часто бывал, и у Гавриловых, с которыми он в приятельских отношениях, он нисколько не отличается от них в своих взглядах, и эти взгляды у него также давно, как и его знакомство с этими людьми. Также необходимо добавить и то, что у него есть еще и некоторые террористические взгляды, судя по его выражению «Всех их нужно перевешать и перестрелять».

Пчелинцев, Виктор Петрович⁸ – бывший офицер, как я слышал, штабс-капитан и возможно и белый, хотя последнего я точно подтвердить не могу, так же антисоветски настроенный, хотя и более сдержанный, чем Гаврилов, может быть в силу своего характера. Но также мечтающий о войне и новой революции, как способе восстановления своих погранных прав. Часто выражающий желание о принятии участия в активных действиях и даже вступлении в контрреволюционные организации.

---

⁸ Техник отдела пути дирекции РУжд, проходил по делу свидетелем.

После знакомства с художником Яковлевым⁹ и его разговоров о контрреволюционной организации, у меня появились новые взгляды, о которых я раньше и не думал. Все предпосылки, данные Яковлевым, естественно дали новый толчок моим взглядам, в которых ранее не было подобных элементов. К счастью, нужно сказать, для меня это знакомство с Яковлевым было очень непродолжительно и не дало мне возможности начать и углубить свою работу в организации, о которой мне говорил Яковлев, если только она существовала и, возможно, спасло меня от дальнейших шагов по пути преступления по отношению к Советской власти.

Позднее, если у меня и были мысли о какой-либо организационной работе, то они не имели актуального значения, а сводились к разговорам антисоветского и контрреволюционного характера. <...> Не ведя организационную работу по вербовке недовольных в полном смысле слова за этот период, я не хочу снять с себя ответственности за то, что в дальнейшем я, быть может, при известных создавшихся условиях и занялся бы этой контрреволюционной работой и стал бы вербовать новых членов. Вся эта вербовка могла бы, конечно, иметь место в том случае, если бы я сам вступил бы в какую-либо организацию и взял бы на себя эту работу. Но до последнего времени я в контрреволюционных организациях не состоял. <...>

Находясь арестованным в камере и чувствуя по ходу следствия, что дело принимает серьезный характер, я написал зашифрованную записку свояченице Лидии Степановне Степановой: «Лидя, я Вас очень прошу осмотреть Жоржика, так как боюсь серьезных осложнений после гриппа, т.к. мальчик последнее время жаловался на ногу. Очень прошу съездить. Я и Нюся. В Управлении Р.У.ж.д. передачу не принимают».

Действительный смысл этой записки следующий: «Лидя, я прошу Вас повидать Жоржа Апокова¹⁰, т.к. боюсь серьезных осложнений. Очень прошу съездить в Москву и поговорить с ним о нашем положении в связи с арестом».

Апокова Жоржа я лично очень мало знаю, но его хорошо знает моя жена, с ее слов я знаю, что он является крупным партийным работником и старым большевиком. <...>

Я и жена выразили желание уехать из Саратова. Моя жена говорила, что служба ее не удовлетворяет в Саратове и она охотно бы бросила эту службу. Говорила о том, что план строительства на 1933 г. снижен, и что у них на службе также возможно сокращение, т.к. сокращение по строительным организациям г. Саратова уже проводится.

Кажется, в этот же раз она рассказала и о сумасшедшем помдиректоре-коммунисте из своего учреждения, который сошел с ума на почве мании величия, который хотел удалить т. Сталина и занять его место. Он говорил, что он скоро едет в Москву и по приезде туда он все изменит. Призывал к спокойствию и обещал иную, хорошую жизнь.

---

⁹ В марте 1933 г. саратовские чекисты направили в транспортный отдел ГПУ г. Москвы следующий запрос: «ЯКОВЛЕВ Леонид Дмитриевич, 1898 года рождения, по профессии художник, прибыл в Саратов из Москвы, дата приезда неизвестна. В 1930 году в г. Саратове работал в Крайисполкоме и затем в ОГИЗ'е. <...> ДТО ОГПУ Р.У.ж.д. просит срочно установить в Москве указанного выше ЯКОВЛЕВА и ориентировать нас о всех имеющихся материалах на него по Москве. <...> просьба такового арестовать и спец. конвоем направить в Саратов, так как у нас имеются сведения о том, что помимо СКВОРЦОВА в к.р. организации ЯКОВЛЕВЫМ были завербованы и другие лица, проходящие у нас по агентурному делу «Эсперантист».

По данным Книги памяти жертв политических репрессий Восточной Сибири, Л.Д. Яковлев расстрелян 21 февраля 1938 г.

¹⁰ Георгий Ипполитович Оппоков (1888, Саратов – 1938, Москва). Дворянин, член РСДРП с 1903 г. Партийный псевдоним – Жорж. В 1933 г. – заместитель председателя Госплана СССР, затем член бюро Комиссии советского контроля при СНК СССР. Арестован в июне 1937 г., по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР расстрелян 30 декабря 1938 г.

Мы все трое также говорили о том, когда же, наконец, улучшится жизнь и можно ли в ближайшее будущее ожидать изменений. Я выражал свою надежду на колхозную торговлю и говорил, что с открытием колхозной торговли возможно снижение цен на рынке и появление достаточного количества продуктов. Но Пчелинцев говорил, что он не верит в колхозную торговлю, т.к. по нашему краю колхозникам нечем торговать и что последний хлеб, выданный колхозникам за работу в колхозах, отобран при хлебозаготовках. Я ему возразил, что разрешите только свободную продажу хлеба и других продуктов, как они тотчас появятся на рынке. Жена моя говорила, что если даже колхозники и имеют некоторое количество хлебных продуктов у себя, то вряд ли это может изменить и особенно повлиять на рынок и рыночные цены. <...> Я говорил и возмущался тем, что оклады остались почти без увеличения, а жизнь подорожала на десятки, а по некоторым видам продуктов даже на сотни процентов. Особенно меня возмущали невероятно высокие цены в кооперативных и вообще государственных магазинах. <...>

У нас зашел также разговор о тяжелых условиях теперешней жизни, и мы также искали выхода. Я между прочим сказал, мог ли т. Сталин резко изменить свою позицию в другую сторону, ну хотя бы так, как сделал тов. Ленин во время военного коммунизма, объявив НЭП? Если б т. Сталин это и сделал, в чем я сомневаюсь, то вряд ли кто теперь из коммерсантов еще и остался, да и поверят ли они? Не нужно также забывать, что в начале революции товары были припрятаны, а теперь их нет, или они как экспорт уходят за границу. Если последнее верно, то тогда еще может измениться вопрос к лучшему и при кооперативной торговле, если прекратить экспроприирование товаров за границу, а все, что вырабатывается в России, выбросить на внутренний рынок. <...>

В первой части моего допроса я не был искренен и правдив, т.к. благодаря ложной чести боялся подвести своих товарищей по аресту. Эта ложная честь была у меня еще привита, видимо, с детства, т.к. я, будучи ребенком и школьником, считал выдать своего товарища игр или школьника преступным. Эта ложная честь прививалась мне и в школе, где я учился. Там, в школе, за малейшую ябеду и ничтожнейший проступок в этом направлении ученики жестоко наказывали провинившегося, иногда не останавливаясь даже и перед побоями в раздевальне, где они накрывали провинившегося пальто и били.

Естественно, эта «ложная честь» не могла выветриться с годами, а так и осталась у меня и до настоящего времени. Но, попав в ГПУ, я постепенно осознал, что эта «ложная честь» здесь, в ГПУ, не может иметь места. И сознавая первые свои ошибки в части допроса, я встал на другую точку зрения и стал говорить правду. Описал с полной искренностью свою жизнь с самого детства и с 1917 по 1926 г. Признал себя антисоветским элементом и рассказал и о своих товарищах и знакомых, и о их политических убеждениях так, как я понимал их. Но должен и здесь оговориться, что активного участия против Советской власти я не предпринимал и не считал возможным принять в этом участия.

Я виноват и глубоко виноват перед Советской властью в своих антисоветских и контрреволюционных разговорах, критике распоряжений правительства и даже антисоветских анекдотах, также виноват и за свои ложные показания в первой части допроса. Но не считаю себя окончательно потерянным человеком, и в других условиях и другом окружении мог бы еще принести пользу Советской власти, встав на честный путь советского труженика. Поэтому я прошу Советскую власть не о полном моем освобождении, о чем, конечно, не может быть и речи, а лишь о снисхождении и возможности забыть прошлую жизнь и воспитать в себе человека, достойного жить в Советской республике и трудиться. Я верю, что Советская власть отнесется ко мне, как к человеку, который осознал свои ошибки, и который хочет еще быть полезным членом Союза. <...>

В 1926 году я женился и провел все лето на даче в Монастырке¹¹, где нас никто не посещал, за исключением родственников жены. Мы же в это время жили довольно стесненно. Жена, имея ребенка грудного, не могла служить, т.к. часто прихварывала, а я получал небольшое жалованье 66 руб. <...>

После того, как мы решили с женой остаться в Монастырке, необходимо было подумать о квартире. Совсем бросать ее было опасно, т.к. мы могли рано или поздно вернуться в город. И я решил сдать на время большую комнату, а в маленькой поместить свою мать. Гофман Виталий Анатолиевич предложил, как квартирантов, семью своего брата. <...> Гофман начал убеждать нас, что из этого ничего дурного не выйдет, что брат его работает на Советской службе и что он имеет об этом соответствующие документы. В конце концов, мы согласились и сдали квартиру брату Гофмана на условиях оплаты квартирной платы за сданную комнату и отопление в половинном размере. Но за это на нас донесли и нам пришлось предстать перед судом. Суд квартиру у нас не отобрал, а только постановил выселить семью Гофмана Юрия Анатолиевича, но я это сделал до суда и сам переехал в город вместе с женой и сыном. <...>

В зиму 1929 года у меня бывал Гофман Виталий Анатолиевич, часто в присутствии жены бывали разговоры о политике и главным образом они вертелись о пятилетнем плане. Все мы трое сходились на том, что план нереален, что мы не можем его не только перевыполнить, но даже хотя бы выполнить. Мы считали, что перегнать капиталистические страны с их наисовершеннейшей техникой мы не можем с тем отсталым оборудованием в техническом отношении страны и вообще низким культурным уровнем страны. Что эти темпы непомерно высоки для нашей страны и что такой широкий размах приведет к кризису. В один из таких разговоров жена моя, когда стали расти громадные требования на рабочие руки, главным образом на специалистов узкой специальности и когда начали открываться всевозможные технические учебные заведения, заявила: «Вот поверьте мне, что придет момент, когда наступит в стране ужасная безработица и будет совершенно нелегко найти работу». <...>

Затем, когда был поднят вопрос о сплошной коллективизации, опять среди нас поднялись разговоры, что это безумие проводить сплошную коллективизацию. Было бы гораздо лучше, если бы провести на ряде районов или отдельных колхозов эти опыты, не разрушая индивидуального хозяйства. Также затрагивался вопрос о чрезмерно жестоком методе раскулачивания. Говорили, что какие же в деревне теперь есть кулаки, это не кулаки, а просто работающие умные крестьяне (Гофман). Что странно разрушать такие хозяйства, когда еще не видно, что получится из колхозов. <...>

Летом 1930 г. <...> жизнь лично у меня была сытная, недостатка я ни в чем не чувствовал и вообще в такие моменты забываешь о политике или, вернее, она не заставляет думать о себе. <...> Но тут с зимы 1930 г. стала впервые задерживаться зарплата, что, конечно, отразилось и на наших политических взглядах. Но все эти разговоры были чисто семейного характера в отсутствие посторонних. Выражая недовольство и растущими ценами, и отсутствием зарплат. Но в мае месяце 1931 г. задолженность по зарплате была ликвидирована, и мы снова более легко вздохнули. <...>

В мае <1931 г.> я начал изучать эсперанто (международный язык), вступил в члены Союза советских эсперантистов и примерно с июля месяца начал переписку с границей. Переписывался до момента ареста исключительно с иностранными эсперантистами, адреса которых находил в эсперантских газетах. Лично я не знаком ни с одним из своих корреспондентов. Контрреволюционной переписки как сам не вел, так и не получал из-за границы. Переписка носила, главным образом, характер обмена литературы советской на иностранную. Меня интересовали книги и журналы по вопросам искусства и самого языка эсперанто, моих же корреспондентов – советская литература преимущественно о

---

¹¹ Монастырская слобода близ Спасо-Преображенского мужского монастыря. Ныне находится в черте города Саратова.

пятилетнем плане индустриализации и сельскому хозяйству, точно также и вопросы культурные. <...>

Осенью этого года заходил ко мне Гофман Виталий Анатолиевич <...>, т.к. мы еще продолжали с ним работать вместе для Немгиза¹². У Гофмана были тяжелые моменты за это время с работой. Он то устраивался на работу, то его сокращали, он опять вновь вынужден был искать работу, и так продолжалось чуть не весь учебный год. В один из приходов к нам Гофман жаловался, что он уже начал голодать и что его нервы не выдержат всего этого. Он страшно возмущался школьной работой, а главное – дисциплиной в самой школе. Он говорил, что он еле сдерживается, чтобы не схватить какого-нибудь хулигана и не выкинуть вон из класса. Он также говорил, что учитель теперь бесправное существо. Даже если он во всех отношениях прав, то ему все равно не поверят, а поверят школьнику. Я в некоторых моментах его поддерживал, т.к. сам на себе испытывал школьную дисциплину, в особенности на Увек¹³ и татарской школе 7-летке в 5ой группе.

Здесь вопрос коснулся вообще образования. Жена страшно возмущалась тем, что теперешние школьники, окончившие 7-летки, 9-летки, не смогут грамотно писать, грамотно излагать свои мысли. Я совершенно не понимаю современного метода преподавания. Школьники давно ничего не учат и пользуются, в лучшем случае, беседами лишь учителя. Но общеполитических вопросов, которые бы возникали у нас за эту осень, я не помню. Но в связи с дороговизной, задержкой зарплаты естественно вновь выражалось недовольство политикой т. Сталина, и часто Гофман называл т. Сталина «чистильщиком сапог», принимая во внимание национальность тов. Сталина. Я лично никогда не разделял грубых выходок как Гофмана, так и Щеглова, но недовольство я также выражал, говоря: «Что, разве сам тов. Сталин не видит, что творится в стране, ведь мы на краю уже голода. А будущее совершенно неизвестно и темно».

При посещении тов. Гофмана я встретил там Гаврилова, и опять разговор коснулся о все повышающихся ценах на предметы первой необходимости, о новых гигантах индустрии и вообще об общем положении в стране. Гаврилов говорил, что тов. Сталин, видимо, не остановится ни перед чем и будет вести свою политику до конца. Единственное спасение, по мнению Гаврилова, это в войне и интервенции. Если только будет война, то интервенция обеспечена, так как главный контингент войск – крестьяне настроены далеко не советски, и если им дать оружие, то неизвестно, куда оно повернется. Я сказал, что Советское правительство примет все меры к тому, чтобы сохранить мирные отношения с соседями, т.к. всякая война несет с собой не только победы, но и поражения, а поражения могут быть не только извне, но и внутри. Но Гаврилов очень твердо отстаивал свою точку зрения об интервенции и говорил, что война – вопрос самого недалекого будущего.

В этом же году я познакомился со Львовым Александром Ивановичем. <...> Львов часто рассказывал мне сногшибательные вещи вроде следующих, причем очень живо и с присущей ему жестикуляцией: «Вы слышали, Крупская стреляла в Сталина?», или «Вы слышали, что Ворошилов поссорился с Сталиным и готовит против него войска?», или «Мне говорил приехавший из Москвы приятель, что он сам видел на вокзале, что прибыла масса санитарных поездов, переполненных ранеными, преимущественно посредством газов. У раненых абсолютно нигде нет волос. Все волосы выжжены. И, конечно, мой приятель видел только частичку, а говорят, поезда прибывают каждый день, и Москва забита ранеными». Этих сенсаций было очень много, но я помню только эти. Обычно, когда бы я ни пришел к нему, у него уже была сенсация для меня, если и не всесоюзного значения, то, по крайней мере, на худой конец, местного. <...>

За последний год Гофман стал ужасно нервным человеком, он часто стучал кулаком по столу, даже иногда, как говорила жена Гофмана, бился головой о стену и проклинал все

---

¹² Немецкое государственное издательство в АССР Немцев Поволжья.

¹³ Увек (Укек) – один из первых крупных городов Золотой Орды. Ныне участок Заводского (Сталинского) района на окраине Саратова.

и всех. Я один раз видел его в таком состоянии, когда он был прямо в исступлении и говорил, что так он больше не может жить, что он дошел уже до точки. Я его старался успокоить, говорил ему, что он только вредит себе, что он таким состоянием ничему не поможет, а нужно терпеливо переносить то, что ему не нравится. Но Гофман еще больше стал горячиться и говорить, что он бросится на какую-нибудь сволочь, тут он подразумевал коммуниста, и перегрызет ему горло, а потом пусть и его убьют. Я постарался уйти, так как мне было это в высшей степени неприятно. Вообще Гофман часто и позднее выражал свое мнение, что он совершенно не может выносить коммунистов. Такого же мнения был и Щеглов. <...>

Осенью у меня был Гофман. Мы говорили об общем положении в стране и, в частности, у нас в Саратове, о всю растущих ценах на продукты питания и о том, что будет дальше и когда наступит улучшение и смягчит ли свою политику тов. Сталин. Но Гофман назвал тов. Сталина «твердолобым» и «чистильщиком сапог» и сказал, что он скорее погубит всех и заморит с голоду, чем изменит своей политике. Также жаловался, что он испытывает голод и иногда по целым дням ничего не ест. Но нужно сказать, что мы все не видели просвета в нашей жизни и не знали, когда наступит просветление. Мы считали, что политика тов. Сталина должна все-таки изменить свою решительную линию и пойти на снижение. Моя жена говорила, что тов. Сталин все-таки взял не совсем правильную линию слишком высоких темпов и теперь, если бы имел столько же решительности, сколько ее было у тов. Ленина, сделал или второй НЭП, или каким-либо иным путем выправил падающую кривую продовольствия трудящихся. На что Гофман заявил, что он, Сталин, никогда этого не сделает. <...>

Жена рассказала нам о сумасшедшем помдиректоре Стройтреста, который сошел с ума на почве недоверия к тов. Сталину. Он кричал, что тов. Сталина нужно убрать, а вместо тов. Сталина он встанет сам и повернет жизнь по-иному, конечно в лучшую сторону. Он просил не волноваться, т.к. он скоро едет в Москву и все сделает. <...>

31 декабря 1932 г. у нас был разговор по поводу тяжелой жизни и отсутствия продовольствия по приемлемым ценам, а также и задержки зарплаты, также говорили, когда и чем кончатся эти тяжелые времена. Я между прочим высказал свою мысль, что теперь даже трудно рассчитывать на объявление второго НЭП'а, хотя, думаю, что тов. Сталин на это не пойдет. Да, к тому же, есть ли еще коммерсанты, которые могли бы снова начать работу, да и поверили ли они? Ведь в начале Революции было, видимо, очень много припрятано товаров бывшими людьми, а теперь их нет. Можно только рассчитывать на кооперацию при условии отказа от экспорта, а весь товар, если он действительно шел на экспорт, выбросить на внутренний рынок, тогда еще можно спасти положение в стране и поставить снабжение на должную высоту. Затем вопрос перешел на то, что рабочие голодные и плохо работают. Львов сказал, что на транспорте та же самая история. За последнее время участились крушения поездов. <...>

Остается описать еще один случай, когда я был у Гофмана через день или два после того, как он сломал себе руку. <...> Я его застал одного сидящего за столом за книгой. Я его расспросил о его полуме, и он мне рассказал следующее: что он вечером шел с товарной станции из школы, руки у него были в карманах туго засунуты в варежки, так как руки его обморожены и очень чувствуют холод. Проходя по какому-то тротуару или дорожке, он упал, не успев вынуть руки из карманов, и почувствовал ужасную боль в руке. Проходящие его подняли, но он еще долгое время сидел на земле и не мог от боли двинуться. <...> Потом он рассказывал, как пришел врач Гаврилов и с помощью Щеглова тянули ему руку, и боль была так велика, что он потерял даже сознание. Теперь у него рука не болит, если ее держать вполне спокойно.

Затем он начал говорить о том, что ему ужасно <не> везет, ребенок все время болен, теперь он сам заболел и что дома нет ни крошки хлеба, и что он целый день сидит на чае с небольшим количеством сахара. Предложил мне чая, я выпил стакан. В это время пришел Щеглов. Разговор опять коснулся этого несчастного хлеба. Гофман сказал, что вот они

сдали немного золота и серебра, что-то на 8 руб., но никак не могут получить муки из торгсина. Я им рассказал, что как раз сегодня получил муку после целого дня ожиданий, но нужно сказать правду, нелегальным путем, т.е. просто пролез в магазин уже поздно вечером и кое-как дождался муки, и еле дотащил ее домой, хотя ее и было меньше двух пудов.

Потом разговор перешел на свободную продажу хлеба, которую все ждут, но которую почему-то так долго не объявляют. В общем, Гофман выразил негодование по поводу такого положения с хлебом и продуктами питания. Я его поддержал и сказал, что нужно ли было строить такие гиганты и не проще на затраченные деньги просто за границей купить с/х машины и сразу отдать их в эксплуатацию? Вообще, я как-то не понимаю политики тов. Сталина. <...>

С переходом на службу в Обплан в 1924 г., после окончания техникума я снова попадаю в среду если и не антисоветскую, то свободомыслящую. Здесь разговоры о политике чередовались с разговорами о деле. Но нужно отдать справедливость, они не носили грубого антисоветского характера. Но можно было, подходя к столу того или другого работника, услышать или новый анекдот, или какое-нибудь сногшибательное сообщение. Выделить из общей массы кого-либо как вполне антисоветского человека, я не могу. <...>

Категорически отрицая все время перед Политическим управлением свою вину в принадлежности к какой-либо организации, я должен признать и просить извинения за свою резкость в отказе от предъявляемого обвинения. Сегодня я совершенно неожиданно напал на мысль, что мог совершенно неожиданно попасть в квартиру, где собирается некая организация, и о которой я не мог иметь даже представления, но Политическое управление, зная, что я посещаю эту квартиру, квалифицировало и меня как члена этой организации.

По моему мнению, я могу, конечно, приблизительно наметить три квартиры, в которых могли бы иметь место эти организации.

Первая квартира, по моему мнению, могла бы быть Гофмана из следующих соображений: громадный круг знакомств у Гофмана, открытость квартиры, т.е. в любой момент можно прийти и быть радушно принятым даже малознакомым людям. Но участие самого Гофмана вряд ли возможно.

Вторая квартира. Квартира Кедрова, угол Гимназической и Малой Сергиевской, дом №3, где в одной из комнат живут один или два молодых партийца. Один из них служит на Комбайне¹⁴. Иногда, приходя к Кедровым, я замечал, что там, т.е. в комнате, занимаемой партийцами, бывали и выпивки, и кроме того, слышал от Кедровых о не особенно твердопартийных взглядах живущих там партийцев.

Третья квартира. Наместниковы, Большая Казачья, дом 24. Эта последняя квартира очень сомнительна в отношении устройства контрреволюционной организации, но могу сказать, что Наместников имеет некоторое знакомство среди партийцев, которые бывают у него дома. <...>

В 1930 году я познакомился с высланным из Москвы художником Яковлевым Леонидом, отчества его не знаю. <...> Я ему задал вопрос, за что его сюда выслали, но он уклонился от прямого ответа и начал говорить вообще о политике и главное о том, что жизнь стремительно идет к ухудшению. Говорил, что очень странно, что все видят, как материальные условия ухудшаются, но никто не реагирует на это тем или иным путем. Я поддержал его. Тогда он стал говорить о том, что необходимо организовываться, создавать организации, в которые могли бы объединяться люди одинаково мыслящие. Я ему ответил, что все организации определено рано или поздно обречены на провал, что и было видно по ряду крупнейших организаций. На это он мне ответил, что это верно, но в тех организациях были ошибки. Теперь организации так не должны строиться. Все члены той или иной организации не должны знать совершенно друг друга во всей организации, а достаточно, если будут знать один также одного или двух.

---

¹⁴ Саратовский завод комбайнов.

Кроме того, продолжал он, нужно запомнить, что сейчас идет широкая волна организационного движения по России. Организуются и учащаяся молодежь, и служащие, и даже люди пожилые. На все эти вопросы я ему ответить ничего не мог, а только слушал. <...>

Спустя месяц или даже больше, Яковлев поймал меня в ОГИЗе¹⁵, когда я уже уходил, и сказал мне, чтобы я его подождал одну минуту, и мы с ним пойдем вместе. Я его подождал, и он мне предложил пойти выпить, но я от этого предложения отказался, зная его как алкоголика. <...> Тут он опять начал говорить о том, что необходимо вступать в организации. Я ему ответил, что ведь существуют разные организации и разные преследуют цели. Он ответил, что это правда, и что теперешние организации преследуют одну цель объединения недовольных, т.к. для другого чего-либо еще время не пришло. После этого он стал меня уговаривать, чтобы и я вошел в организацию. Я ему сказал, но что же я должен там делать? Он мне ответил, что нужно разъяснять, во-первых, что в организациях теперь состоять не страшно, во-вторых, говорить о том, что это необходимо, если человек хочет жить по-человечески и работать так, как ему хочется. Вообще, доказывал всеми способами пользу такого объединения. Я ему прямого ответа не дал, но думал об этом, хотя даже дома никому не говорил об этом разговоре. Да, по правде сказать, и боялся.

Спустя еще некоторое время, кажется уже зимой 1931 года я его встретил с его товарищем, которого он назвал Виктор, в коридоре типографии №2 внизу, и спросил он меня, как идут дела. Я ему ответил, думая, что он спрашивает о моих личных делах: «Ничего, работаю и работы много». После он подвел меня в угол и стал говорить, что для организации нужны деньги и что я должен хоть немного их достать. Я ответил, что денег у меня самого нет и достать их я не знаю откуда. Он круто повернулся к Виктору, посмотрел как-то странно на него, и оба они быстро отошли от меня. После этого я больше Яковлева и его товарища Виктора не видел. Куда он девался, уехал ли в Москву или был вновь арестован, я не знаю.

<...> При разговорах контрреволюционного характера <...> выражались способы и методы, посредством которых можно было избавиться от Советской власти. Гавриловыми выдвигалась, как наиболее, по их мнению, могущая иметь успех цель – это интервенция. <...> Жена моя Скворцова-Степанова твердо отстаивала противоположное мнение, т.е. резко отрицательное, т.к. сама была очевидицей интервенции поляков в Киеве. <...>

Вторым вопросом, имеющим ту же цель, была война СССР с какой-либо из капиталистических стран. Этот вопрос выдвигался Владимиром Гавриловым и мною и, как я помню, возражений ни с чьей стороны не встречал. <...> Но нужно сказать, что в возможность войны я, Львов и Гофман не верили, т.к. считали, что на этот шаг Советское правительство не пойдет, но Гаврилов и Пчелинцев говорили, что если и не пойдет, то могут заставить обстоятельства или просто вынудить на этот шаг.

<...> Выдвигался ли «саботаж и вредительство» как метод борьбы против Советской власти, я не помню. Но помню, когда моя жена Скворцова-Степанова говорила о том, что при условии плохих жизненных условий среди рабочих заметны следы разложения дисциплины, бегство с предприятий, текучесть рабочей силы и просто саботаж: отказ от работы, невыход на работу и т.п. и даже вредительство явное или скрытое, и что дальнейшее расширение и охват по масштабу может привести к результатам очень печальным. <...> Восстание внутри самой страны как метод выдвигал я и только помню один раз в присутствии Львова, но жена этот способ резко окритиковала в следующих выражениях: «Не думай, пожалуйста, что если поднимутся рабочие и будут бить коммунистов, то оставят в покое интеллигенцию. Ты сам знаешь, каково отношение средней рабочей массы к интеллигенции. С другой стороны, не забудь и того, что рабочие в центрах живут несравненно лучше, чем хотя бы у нас в Саратове, и лучше во всех отношениях. Кроме того, не нужно забывать и того обстоятельства, что рабочие центров

---

¹⁵ Объединение государственных книжно-журнальных издательств.

наиболее культурны. Такое восстание может иметь место только в том случае, если рабочие центров примут участие и будут руководить восстанием, во что я очень мало верю. Сепаратные же выступления обречены на гибель». <...>

На углу Чернышевской и Обуховского я встретил Пчелинцева, идущего по направлению к своему дому. <...> Пчелинцев начал жаловаться на то, что жизнь становится совершенно невыносима, и что он прямо сходит с ума, не зная, что делать. Вообще, нужно сказать, Пчелинцев был недоволен и работой у себя на службе, и жизнью, как вообще, так и в частности, т.е. те ухудшающиеся материальные условия его возмущали и тревожили за дальнейшее существование его семьи. Он говорил: «Ну, вы поймите, что будет дальше, когда сейчас существовать уже на то, что мы получаем, невозможно. Зарплата остается та же, а цены растут и растут. Я прямо не знаю, что делать, а делать что-то нужно, т.к. я не могу уж оставаться лояльным» (последний отрывок фразы я не могу точно припомнить, но смысл был приблизительно такой). Я его поддержал и сказал, что все это верно, но что мы можем сделать? Единственный путь – это вступить в какую-нибудь организацию, тем паче что я слышал, что в таких организациях теперь уже не так страшно состоять. Дело в том, что теперь организации строятся по-иному. В этих организациях члены друг друга не знают, а знают лишь одного или двух максимум лиц. Кроме того, я также слышал, что в такие организации теперь вступают и молодежь, и старики. <...>

Зимой 1932 года мой знакомый Наместников, Георгий Назарович, будучи у меня, сказал мне, что днями поедет в колхоз по командировке с места своей службы журнала «Ниже-Волжский колхозник». Я и моя жена попросили его, если будет возможность, купить в деревне кое-что из продовольствия и по его согласии я дал ему 20-25 руб. денег. Спустя некоторое время он вернулся из командировки и зашел ко мне и сообщил, что в деревне он ничего не мог купить, т.к. там, т.е. в деревне, ничего нет, а в колхозе он не считал удобным, как командированный, даже просить о продаже чего-либо и возвратил мне данные ему деньги.

*Дальнейшие показания записаны рукой уполномоченного III отделения ДТО ОГПУ
РУжд Ф.К. Алексеева:*

Направление моей переписки шло в разные страны: Франция, Англия, Германия, Чехословакия, Испания, Япония, Бельгия, Польша, Латвия и другие.

Виновным себя в использовании эсперантистского права в контрреволюционных целях – переписке с границей особым зашифрованным порядком, переписке и пересылке через специальных лиц сведений, фотоснимков, являющихся шпионским характером, не признаю.

В своих письмах, как мной полученных, так и отправляемых почтой за границу, вопросы политического, а также и экономического состояния я не затрагивал.

Действительно, в одной из открыток я сообщил за границу в Германию, кому именно, не помню, сведения о широте расстояния реки Волги и что эта река пересекается островом. <...>

Я, Скворцов А.В., действительно ходил по городу Саратову и фотографировал имеющимся у меня аппаратом без всякой цели. Подбор объектов к фотосъемке я производил так: что меня интересовало, я и снимал. Фотоснимки мои разрушаемых в городе церквей, как-то Новый собор, церковь Михаила Архангела, других же церквей не помню, чтобы я снимал. Произведенные фотоснимки разрушаемых церквей я действительно проявил и отпечатал, в каком количестве я их отпечатал, не помню, т.к. не считал и не учитывал.

Обнаруженные у меня в значительном количестве фотокарточки при обыске на квартире – преимущественно фотоснимки – действительно отражали улицы районов и здания города, и два снимка, в каком количестве размноженных мною, я не помню, представляют собой виды полуразрушенных деревянных зданий.

Фотографию крушения с трамваем действительно заснимал я – при этом цель моей снимки: снять как происшествие.

Засъемка стоящей очереди у Крытого рынка произведена мной – при этом цели я не преследовал. Других очередей я не заснимал. <...> Снимок в Затоне около г. Саратова (смотрел на карточке мою запись) я размножил в 5-6 экземплярах и отправил за границу в разные страны как открытки.

Виновным себя в использовании производимых фотосъемок, относящихся только к явной дискредитации соввласти, в своей связи с заграницей в контрреволюционных целях и целях шпионажа не признаю и моего разговора о том, что меня интересуют очереди, разрушение, обираловки и крушения на транспорте, я не помню.

***

В обвинительном заключении сказано, что Александр Скворцов, «состоя в к.р. организации, выполнял ее задания, являлся организатором и вдохновителем к.р. группировки, ставившей себе целью свержение Соввласти, завербовал в к.р. группировку: Львова, Щеглова и Попова, активно проводил систематическую к.р. пропаганду против всех проводимых мероприятий Соввласти, активный участник и организатор к.р. собраний, на которых призывал к активной борьбе с Соввластью, распространял к.р. слухи, дискредитировал враждебно правительство Соввласти, международное эсперантское право использовал в к.р. целях, сообщал сведения и фотоснимки за границу с целью дискредитации Соввласти, через устанавливаемые связи с иностранцами, занимался шпионажем, собирал сведения о состоянии транспорта». Художник обвинялся по статьям 58-6, 58-10 и 58-11 УК РСФСР, т.е. в шпионаже, пропаганде и организационной деятельности, направленной на совершение контрреволюционных преступлений.

При обыске у Скворцова изъяли рукопись с информацией о терактах в СССР и покушениях на партийных лидеров, а также фотографии старого Саратова. Впрочем, чекисты считали, что снимки «разбираемых церквей, полуразрушенных и ветхих зданий, улиц, использовались им в целях дискредитации Соввласти».

Парадоксально, но в материалах уголовного дела никак не отражено участие Скворцова в международных выставках в Лос-Анджелесе в 1929, 1930 и 1931 годах.

Все подсудимые сознались полностью, лишь Скворцов и его жена сознались частично. Времена большого террора еще не наступили, и антисоветчики получили сравнительно мягкое наказание. Особое Совещание при Коллегии ОГПУ 28 мая 1933 г. постановило Скворцова, Львова, Гофмана и Попова – на три года выслать в Казахстан, Щеглова – заключить в исправтрудлагерь сроком на три года, Скворцову-Степанову – приговорить к принудработам сроком на один год. Щеглова и Степанову приговорили условно и освободили из-под стражи. Врач Гаврилов до приговора не дожил, умер 10 мая в тюрьме от паралича сердца.

Где и в каких условиях отбывали ссылку осужденные – неизвестно. Однако, в деле сохранилась справка, согласно которой у Скворцова был обнаружен «катар верхушек легких, невроз сердца, малокровие с упадком питания и расстройством кровообращения (отек ног)». Отмечу, что представленная клиническая картина – типичные последствия голода. Врач констатировал, что художник «к тяжелой физической работе не способен».

Вернувшись из ссылки, Александр Васильевич работал художником в местных издательствах, во время войны – в областной газете «Коммунист», после нее – в Автодорожном институте и в Саратовском художественном училище. С 1953 г. полностью перешел на творческую работу.

Произведения художника неоднократно выставлялись в СССР и за рубежом, находятся в собраниях Третьяковской галереи, музея изобразительных искусств имени Пушкина, Русского и Радищевского музеев. Александр Скворцов умер в Саратове в 1964 году.